

Сказка Жизни

Вступление

Я готов подраться с ветряными мельницами,
Только бы получить ответ:
Что мы такое в цельности
И где наше место в этот момент.
Почему я должен стараться

И ляжку тугую тянуть,
С друзьями шутю притворяться,
Скрывать свою сущность,

Но при этом одним оставаться.
Мне не нравится твой эгоизм

И твоя мягкотелость,
Таков мой душевный девиз,

Озвучить который не имею смелость.
Но мы с тобой- не творенье богов,

Хотя не они горшки обжигают.
Мы отражение врагов

И того, что нас в них поражает.
Герои из книг это только картинки,

Иллюзия и в какой- то мере обман.
Ну а мы живые люди-былинки,

Хотя и нас может унести ураган.
Я хочу пойти по миру свободно,

Не скрывая свои недостатки.
Ведь это по мнению общих отцов

Моей личности живые повадки.
Нельзя перекроить жизнь
Или построить для себя теплицу
Необходимо смело дела вершить

И стойко встречать дневную зарницу.

Антоша

Глава 1

В теплице пахло свежесмоченной землей и соком растений, которые недавно срезали. Теплица или парник был построен для великого множества теплолюбивых цветов и растений: здесь были и хрупкие лилии, именно их обычно хозяйки разводят в горшках и водружают на подоконники, задорно цвела лаванда, собравшись кучками; розмарин и шалфей притаились около прозрачных стен, опасаясь быть сорванными; болгарские перцы и помидоры важно занимали большую часть помещения; розы и шиповник только набирали цвет в дальней части парника, а ежевика, стелящаяся

около стен , напротив, прекращала цвести. Так же здесь можно было найти пару кустов экзотичных мандаринов, плодоносящих крайне редко. А между помидорными кустами на перевернутом ведре сидела девочка и сосредоточенно наблюдала за гусеницей, ползущей по её руке. Гусеница – малышка пыталась слиться с загорелой кожей девочки, но у нее это очень плохо получалось, ведь этому мешала её салатовая расцветка. Насекомое дрожало, замирало, а от каждого резкого неожиданного ветерка вытягивалась в струнку, принадлежащую фантастическому музыкальному инструменту. Девочку, о которой я вам рассказываю, звали Светой. И она думала сейчас о том, насколько же малоценна жизнь существа, находящегося у неё в руках. А почему её жизнь может быть ценнее жизни этой гусеницы? Она так и не нашла ответ, поэтому опустила будущую бабочку на резной помидорный листик.

- Света! Ты где? Иди обедать. - послышался голос из вне.

Это кричала тетя Роза, хозяйка дома и воспитательница девочки.

Света оправила подол помявшейся юбки, собрала растрепавшиеся белые пряди в хвостик и выскользнула из теплицы.

Далее Свете предстояло обогнуть хлев, где жили козы, курятник и сарай, вокруг которого важно вышагивали белоснежные гуси. Затем девочка двинулась по клеверному полу, высоко подняв юбку, чтобы не оставить несмываемый зеленый сок травы. И вот уже она перед зданием, заменившем ей дом. Это масштабное строение, похожее на старинный графский особняк, брошенный когда-то на произвол судьбы русской аристократией, сейчас являлось домом для шестерых человек, которым очень не повезло родиться людьми.

Само здание было деревянным, зато фундамент состоял из первоклассного камня, природу которого мне, как человеку несведущему, сложно определить; черепичная крыша напоминала о том, что здание относительно новое и появилось уже в нашем веке, а окна, прекрасно украшенные изразцами, напротив возвращали нас к старым русским-народным сказкам. Пока Света не зашла внутрь, я расскажу вам немного о внутреннем устройстве дома.

Поднявшись по высокому крыльцу, вы попадаете в холл, где расположен камин, так необходимый морозными зимами. Из холла можно попасть на кухню, где обычно всегда можно раздобыть что-то съестное, когда ужина оказалось недостаточно. Если же пойти из холла в другую сторону, то мы наткнёмся на столовую, в которой опять же есть камин, а также пара диванов и кресел, два стола и шесть прекрасной работы стульев, завезенных из Дальних стран. Столовая – самое любимое место всех домочадцев, поэтому здесь всегда кто-нибудь находится. На втором этаже располагаются спальни мальчиков и девочек, комната тети Розы, библиотека с лучшими книгами в мире, известными человечеству (а это я говорю, как большой знаток). Для всеобщего удобства на втором этаже обустроены две ванные комнаты, комната для занятий и небольшой спортивный зал.

Света же направилась напрямик в столовую, где Марина уже накрыла на стол, за которым сидели ребята в ожидании обеда, состоящего сегодня из фирменной Мариночкиной курицы с розмарином и шалфеем и тыквенного пюре с орехами.

- Прекрасно, что сегодня твоя очередь, Мариша, а то завтра опять придется бурду Тоху есть, - презрительно изрек Сережа, ёрзая от нетерпения.

Света заняла своё место по левую руку от тети Розы, которая всегда сидела во главе стола.

Едва девочка села, собравшиеся начали трапезу, всё еще недовольно поглядывая на пришедшую.

Вскоре с едой было покончено и осталась лишь гора грязной посуды, которую предстояло всю перемыть Свете, потому что была ее очередь дежурить по кухне. И вообще в Поместье все обязанности были четко распределены между его жильцами с самого их пребывания здесь, пожалуй,

исключением стал лишь Антон, присоединившейся к ребятам в возрасте четырех месяцев, по этой причине, считающейся самым младшим и балуемым существом.

Дети медленно разбрелись кто куда, оставив Свету в компании тарелок, чашек и столовых приборов, тетя Роза же сидела в своем любимом кресле у холодного камина и записывала что-то в потертую толстенную тетрадь с небольшим красноватым кругом на обложке. Женщина эта обладала странной способностью не выдавать свой возраст, поэтому трудно было сказать сколько ей – тридцать или пятьдесят. Я думаю, что этому способствовали её обесцвеченные волосы серо-землистого оттенка и мутные, как вода, застоявшаяся в пруду, глаза, в которых отчетливо читалась печаль и еще какое-то не понятное мне чувство, очень напоминающее гнев.

Света сгрузила всё в оцинкованный тазик и понесла к небольшой мойке, приспособленной специально для мытья посуды в теплое время года: здесь располагалась массивная раковина и колонка с прохладной водой, бьющей прямо из-под земли.

Света удрученно засучила рукава и принялась за мытье.

- Свет, я помогу, - прозвучал за её спиной несколько звенящий голос, принадлежащий естественно Антоше.

Мальчик для своих неполных двенадцати лет был долговязым и щедедушным, но при этом он имел удивительно большие руки и тонкие, как у девушки, пальцы с вытянутыми ногтями и выпирающими костяшками. Света долго смотрела на его руки, которые методично макали тарелки в воду и опускали их обратно в таз. В её памяти тут же всплыла окровавленная ладонка Антона, которую ей пришлось перевязывать.

3 года назад...

Тем летом Света прочитала рыцарский роман. Он настолько впечатлил её, что как только книга была закрыта, юная мечтательница бросилась в библиотеку, где обычно можно было найти Сережу с Мариной. Когда Света, как ветер, ворвалась в помещение, Сережа что-то рассматривал в микроскоп, а Марина, как всегда вышивала узор на воротничке новой рубахи, маленькая модница была настолько увлечена работой, что даже не подняла глаз от пальца во время воодушевленной речи Светы.

- Давайте устроим турнир за сердце прекрасной дамы! Маринку посадим на вишню, а сами будем сражаться за право украсить свое копьё её лентой! Я буду бароном, у меня даже шляпа есть, ну помнишь, та с перьями жар-птицы.

Сережа незаинтересованно покосился на раскрасневшуюся от радости и волнения Свету и, недолго помолчав, произнес:

- Я, как ты знаешь, не большой поклонник детских шалостей, - ему тогда было около 11, - но я не против участвовать в этом, если ты заставишь играть с нами Вовчика.

Вова же, напротив, любил игры, но на дух не переносил Серого, поэтому мальчишки постоянно ссорились и даже дрались, так что тетя Роза порой лишала их права заходить в библиотеку на неделю, таким образом серьезно наказывая драчунов.

К удивлению Светы, Вова, которого она нашла недалеко от старого тополя с прибитым к стволу баскетбольным кольцом, согласился, при условии, что у них с Сережей будет поединок на мечах.

Сказано-сделано, Марина взгромоздилась на старую кривую вишню, ветки которой находились достаточно близко от земли, и обмоталась тюлем, которую девочки сняли с окна своей комнаты. Мальчики привязали к спинам и животам по парочке оцинкованных тазиков да так приладили ручки, что туда можно было, как в ножны убрать меч, зачесали волосы, так, что они стали напоминать ирокезы, и взяли в руки свое любимое оружие – кривые мечи, вырезанные из березовых досок. Света

же надела шляпу, с прекрасными петушиными перьями, которую когда-то ей презентовала тетя Роза, и взяла в руки тоненькую спицу, заменившую шпагу. Позади нее гордо развивалось семейное знамя, представляющее собой старое выцветшее полотенце с изображением дракончика, которое держал её оруженосец-Антоша, пожелавший присоединиться к игре именно в этой роли.

И вот началось.

- Дамы и господа, сегодня я, барон Светозар, член ордена Великого Дракона, провожу в своих владениях турнир, что определит, кто из воинов, живущих близ моих владений, достоин быть защитником моей сестры, леди Марианны Прекрасной.

Храбрые рыцари расправили свои стяги, на каждом из которых красовался семейный зверь. У сэра Владимира это был прекрасный тигр, изображенный на розовом фоне, а у сэра Сержа, что прибыл из далекой Франции, черный ястреб, нарисованный углем на белой наволочке.

Рыцари поочередно приветствовали прекрасную леди, грациозно сидящую в высокой башне и медленно машущую им шелковым платком.

И вот оруженосец протрубил одиножды в рог, что говорило о начале поединка. Началось.

Деревянное оружие в мгновение ока преобразилось в непобедимые мечи, тазы трансформировались в латы высшего качества, выкованные лучшими заморскими мастерами, на лица опустились забрала, а верные скакуны понесли заклятых противников друг на друга.

Удар. Таз сбит с плеч, еще удар противник повален на землю, его оппонент приставил к горлу деревянный резак и начал ему угрожать.

- Зачем ты так поступаешь? Мы же лучшие друзья, были ими когда-то. Мы же всегда были вдвоем всегда вместе, почему ты заставляешь меня быть отдельно? Мы же семья.

Лежащий на земле произнес:

- Именно потому, что мы семья, я тут. Ты сильнее меня- это факт, поэтому я знал, что ты скажешь это, я хочу помириться, давай хотя бы ненадолго забудем. Не сердись дружище. Ты же знаешь, что те моральные принципы, продиктованные нам Дальними странами, не позволят тебе делать это дальше.

Нападавший резко вскочил, стянул с себя таз и со всей силы кинул его в сторону, раздался вопль, который прозвучал вслед убегающему.

Вмиг все разрушилось, краски поблекли, лишь красная кровь, стекающая по руке Антоши, напоминала о былой игре.

Мальчик успел закрыться от летящего почти точно в него тазика рукой, пострадавшей весьма серьезно.

Барон стянул с себя шляпу, обнажив белобрысую голову, и мгновенно сориентировавшись, оторвал рукава своей рубахи, чтобы закрыть рану.

- Антоша, не плачь. Сейчас я обвяжу твою руку, потерпи.

Девочка аккуратно приподняла запястье мальчика. Подложила под него импровизированный бинт и нежно, чтобы лишний раз не тревожить, закрепила его деревянной заколкой для волос.

Мальчик стойко держался, только плотно сжатые губы выдавали, то что ему больно.

- Мамочка, пожалуйста помоги мне, - пролепетал мальчик и потерял сознание.

Ему тогда еще не сказали, что у всех у них никогда не было мам.

Любимым местом всех детей дома была библиотека, это было огромное по меркам Поместья помещение, сродни бальному залу, за тем лишь исключением, что все пространство здесь занимали шкафы и полки всех мастей: гигантские стеллажи с резными дверцами и медными ручками, дешевенькие фанерные полки, небольшие открытые шкафчики, раскрашенные в яркие цвета, многоярусные полки, тянущиеся от пола до потолка, слева направо, между шкафами стояли столики с пыльными светильниками, в которых все еще были давно не работающие лампы накаливания. Отсутствие электричества в доме являлось одной из главных печалей обитателей. Тетя Роза рассказывала подросткам, что когда-то электричество в здании было, но после неведомого события люди, руководящие их проектом, решили, что с них хватит финансирования и отключили свет, но по каким-то невыясненным обстоятельствам оставили канализацию и водоснабжение в рабочем состоянии. Да, у них были свечи, которые делались из воска пчел с пасеки или из жира, вытопленного из шкурок овец или свиней, которые издохли все пару лет назад, но такие самодельные источники освещения высоко ценились, поэтому использовались в особых или чрезвычайных ситуациях. Самую оригинальную лампу сотворил Сережа, когда загнал несколько светлячков в стеклянную банку, получив таким образом признание от всех. Поэтому летом, находчивая молодежь вылавливала насекомых, а после наслаждалась книгами пару ночей, затем жучков отпускали.

- Что за пещерной жизнью мы живем? Вы же все читали эти научные журналы, где пишется о мощных машинах, которые совершают подсчеты в тысячу раз быстрее нас всех вместе взятых! А об освещении, которые не прекращаются даже глубокой ночью? А мы свечи клепаем! Ну как так можно.

- А что тебе не нравится? По-моему, это очень помогает природе? Ты знаешь, как загрязнен мир из-за этих «великих машин», ты же читал про атомные станции и катастрофы на них? Лучше уж свечи и лучины и здоровый сон ночью, чем такая свистопляска вокруг. - возразил Вова.

- Вов, ну ты же понимаешь, что мы тормозим? У нас нет ресурсов, нет выхода к ним, проще говоря, мы производим то, что нам нужно уже из готового сырья, а когда оно закончится? И свет - это только верхушка айсберга. - сказала Света и снова вернулась в книгу.

Эта дискуссия завязалась зимним вечером, в столовой перед камином, когда с ужином уже было покончено, но идти спать было еще рано.

На кресле, придвинутом вплотную к камину по-турецки сидела Света и читала очередную книгу о путешествиях, которые в последнее время глотала пачками, около неё на полу устроился Антоша, который как всегда разглядывал географические карты и переписывал что-то себе в блокнот. Немного дальше на диване лежала Марина и нанизывала на нить деревянные бусины, сделанные для нее Вовой, причем она это делала уже довольно долго, вероятно, из-за того, что периодически отвлекалась на Вову, сидевшему рядом и задающего глупые вопросы о веяниях в моде. Сережа, завернувшись в плед, сидел на подоконнике и смотрел в покрывшееся морозным рисунком окно. За которым должно быть находилось то, что он упорно разглядывал, но никак не мог увидеть. Тетя Роза сидела во втором кресле и вязала очередную пару носков, которые дети будут носить зимой, она, казалось, не обращает никакого внимания на разговоры подростков, будто это говорили не её подопечные, а ветер шумел за окном.

- Да, я тоже думаю, что наша изоляция – это ужасно. Мы с вами все в одинаковой одежде ходим, обувь - это отдельная и грустная история. Ну как можно ходить в самодельных валенках? Они же колючие. И вообще, мне кажется, это очень глупо лишать нас всех новостей и возможности получить их. Я бы вот, например, хотела иметь возможность следить за модой, разговаривать о ней с понимающими людьми, а не только с Вовой.

Раздался дружный смех, заставивший Вову покраснеть настолько сильно, что даже его коротко стриженные черные волосы стали малиновыми у корней.

- А почему, ребят мы не уйдем? что нас тут держит? Спросил Антоша, оторвавшись от карт.

И тут тетя Роза, казалось вышла из спячки:

- Мы же говорили об этом с вами. Уже наверно, тысячу раз, - срывающимся голосом произнесла она, - Дальние Страны, причем все – это сгнивший мир, где люди такие же ужасные мутанты, как в фантастических книгах. Вы – не люди, поэтому вы все еще можете называться людьми, а вот представители человечества, к величайшему разочарованию, нет. Они потеряли ту духовность и нравственность, которая была нормой издревле, сейчас от тех людей, о которых вы читаете в книгах ничего не осталось. Ребятунки мои золотые, не портите себя, забыли про нас и слава Владыке, без них проживем. Я думаю, что, если вы захотите, вы все сделаете с нуля, вон Сереженька вами поруководит. Пожалуйста, пожалейте мои нервы. Не расстраивайте.

- Если они все монстры, как вы говорите, то кто же вы? - все так же глядя в окно спросил Сережа.

Тетя Роза прекратила вязать, медленно перевела взгляд с огня на мальчика и, тяжело вздохнув, изрекла:

- Я же говорила тебе, Сережа, уже много раз, я человек из того века, когда люди еще были людьми. На твой манер говоря, мамонт я.

Антоша оторвался от карт, поднялся, едва не скинув Свету с кресла, и обнял тетю Розу.

Женщина расчувствовалась и даже всхлинула, но быстро вернула свою хладнокровие и, мягко отстранив мальчика, напомнила ребятам:

- Вы же не забыли? Завтра все дружно идем ткать. Кто не хочет, пускай нитку тянет! Вопросов нет. Вов готовка на тебе, только, пожалуйста, помни, что гусей мы бережём для Новогоднего ужина. Всем доброй ночи, не забудьте потушить камин. И чтобы никаких посиделок в соседних комнатах.

Тетя роза оправила свое темно-фиолетовое платье и отправилась на второй этаж.

Марина заканючила, но вскоре тоже ушла, Вова вышел за ней. Света же продолжала читать, не обращая внимание на людей, количество которых постепенно уменьшалось.

- Знаешь, мне кажется, что ты думаешь так же, просто молчишь. Я прав? Ты ведь поэтому изрыла все полки о путешествиях и ориентировании на местности? Почему ты молчишь или говоришь не то, что надо?

Света оторвалась от книги и внимательно посмотрела на Сережу, едва различимого в свете камина. Он был невысокий, но крепкий, с правильными чертами лица и вьющимися русыми волосами, которые забавно нависали над глазами, когда он ел или что-то сосредоточенно писал в своих отчетных журналах. Что-то в нем было неуловимое, меланхоличное и одновременно бунтарское, что безусловно, манило к себе и одновременно пугало.

- А ты никогда не думал о том, что слово не имеет веса? Нам слишком мало лет, чтобы оно что –то значило. А если слова причиняют кому-то боль, даже если их хочется сказать... - Света задумалась, - Так поступают люди в книгах, но мы не они, поэтому думай о других больше, чем о себе.

Сережа промолчал. Для двух подростков 15-16 лет они говорили о слишком серьезных вещах, над которыми ему пока что не хотелось размышлять.

- Но ты думала так же? Скажи, для меня это важно.

Света слезла с кресла, поправила юбку и рубаху.

- Все так думали.

И вышла из комнаты.

Сережа все еще сидел на подоконнике и смотрел в беспросветную ночь, напоминающую ему его будущее.

Глава 3

Солнце, пробравшееся в комнату с улицы через открытое окно, начало ползать по лицу спящего Антона, потихоньку, сантиметр за сантиметром, раскрывая его глаза, склеенные сном. В результате всех этих манипуляций, парнишка проснулся. Последний день года настал – пришло время готовиться к празднованию. Антоша соскользнул с кровати, стянул уже давно ставшие короткими пижамные штаны и, чтобы никого не разбудить, на цыпочках вышел из комнаты. На кухне уже работа кипела во всю, печь была растоплена и там готовились многочисленные вкусности на праздничный стол. Сегодня хозяйничала тетя Роза, а это значило, что на столе будет много пирогов и мяса. Мальчик бесшумно прошел мимо кухни, заглянул в кладовую, откуда захватил несколько горстей орехов фундука и немного сушеных яблок, которые гроздьями свисали с потолка. Он знал, что за повреждение общих запасов ему придется не сладко, но необходимо было спешить, иначе бы его план оказался провальным.

На улице было белым бело, лишь хозяйственные строения выделялись на общем бесцветном фоне. Колонка замерзла, поэтому ключевую воду приходилось доставать из колодца, к которому вела тропинка, облюбованная мальчиком для незаметного передвижения. Добравшись до источника воды, Антоша пошел в яблоневый сад, а оттуда вдоль забора к примеченному месту, где был оставлен маечек в виде «случайно» потерянной рукавицы.

Дерзкий план мальчишки заключался в том, чтобы выйти за ограду поместья, добраться до озера, находящегося, судя по картам, в шаговой доступности, а уже с озера принести рыбу.

С учетом того, что им строго-настрого запрещалось покидать Поместье, это можно было назвать чистым самоубийством, каковым оно и являлось, ведь тетя Роза не раз говорила им о каре Дальних Стран, последовавшей после нарушения Правил.

Но Антоше осточертело Поместье, эта бесконечная зима, одни и те же лица рядом, никакой новизны и чего-то интересного. А тут он прочитал про рыбалку и сразу же загорелся идеей принести рыбу, для праздничного ужина. В его плане существовало лишь несколько недоработок: во-первых, как он объяснит наличие рыбы, во-вторых, у него не было удочки, но был гарпун и, в-третьих, он никогда не видел мира за забором и немного страшился этого.

Но за забором оказались деревья, такие же, как и в их заповеднике, где они заготавливали дрова. Вот за тем деревом должен был быть пруд. Он там и оказался.

Что-то матово-гладкое и иссиня-белесое оказалось прудиком, окруженным несколькими, наклонившимися к воде деревьями, немногочисленные звериные следы оставили на поверхности водоема причудливый рисунок, похожий на кружево, которое плетет для воротничков Марина. Когда Антоша на негнувшихся ногах медленно прошелся по кромке, послышался хруст снега, попавшего под валенки мальчика, что очень напугало последнего. Оказалось, что лес, окруживший его, совсем не бесшумный и нетихий, как яблоневый сад в поместье, а живой, подвижный и совершенно неподдающийся описанию. Что-то внутри грудной клетки подростка затрепетало, будто бабочка, которую поймали в банку, это нечто заставило его обернуться, присмотреться к окружающему его запорошенным деревьям и кустам. Это нечто в книгах зовется «страхом», только вот ребенок, выросший в изоляции не зал этого чувство доселе, поэтому оно только усиливалось.

Вдруг послушался хруст, визг и топот ног, принадлежавших нескольким. На противоположном берегу прудика вылетели два зайца-беляка, похожие на белые снежные комочки, необходимые для постройки снеговика. Их кто-то преследовал, этот кто-то был тощей лисицей с впалым животом и выступающими ребрами. Она двигалась из последних сил и вдруг...

Прыжок. Она вцепилась в зайца, который начал отставать от своего собрата, слышался звук, свидетельствующий о переломе хребта, зайчишка, несколько секунд трепыхающийся до этого издал последний писк и затих, превратившись в бездыханное тельце в пасте лисицы. Сама хищница обессилив рухнула рядом и принялась рвать добычу, желая добраться до сочных внутренностей, пульсирующих жизнью, которая еще не до конца покинула тело. Кровь обагрила снег, девственно белый до этой минуты, лисица явно насытилась, но прекратила пожирать мясо и направилась с остатками трупика куда-то в чащу, оставляя на снегу кровавые отпечатки своих изящных лапок.

Антоша не дышал, казалось, все это время, а когда вдохнул, то почувствовал железисто-тягучий запах крови, моментально заставивший опорожниться его желудок.

После этого стало немного легче, но ноги упорно отказывались сдвинуться с места, поэтому мальчик сел. Он не до конца понимал значения слова «жертва», которое употребляла тетя Роза, когда говорила о людях, относящихся по-варварски к другим людям, но эта сцена четко объяснила значение слова «жертва». Их, как не похожих на всех, ждал в Дальних Странах такой же прием, наверняка кто-то также с удовольствием свернул бы шею ему или Вове, смакуя каждый кусочек, стал поедать бы их тела. Антоша закричал, что-то внутри порвалось и от этого тупая боль разлилась по каждой мышце, парализуя их. Мальчик лежал на снегу и думал о том, что его жизнь ничуть не лучше, жизни зайца, за тем лишь исключением, что его не съедят, а он сам заживо сгниет в кротовой норе, куда их загнали про запас.

День клонился к вечеру, деревья приобретали страшные очертания, представая в образах ведьм и привидений, снег сменил одеяние на серое, а кровь, впитавшаяся в него и вовсе стала черной. Антоша все еще лежал, руки уже утратили чувствительность, но он все еще мог ими двигать, ноги же вообще не слушались и не чувствовались. Мальчик прикрыл глаза ладонью, улыбнулся и посмотрел не неё с целью узнать почему её так покалывало. А на ладонке был длинный рубец, оставленный бортиком тастика, служившим игровым снарядом несколько лет назад. Кто бы мог подумал, что когда-то причинённая боль сможет излечить. Мальчик подумал о тете Розе, к которой был привязан всем сердцем, о Вовчике, с которым любил играть в мяч, о зануде Сереже, который мог часами доказывать собственное превосходство, но при этом не умеющем отказывать людям, о Марине, готовящей блюда ресторанного уровня из подручных ингредиентов и о Свете, которая действительно была похожа на свет, всегда помогающий выйти из тени.

Первым, кто увидел Антошу, был Вова, обходящий в сотый раз Поместье в поисках младшего товарища. Мальчик лежал на земле между яблонь и судорожно водил рукой около лица.

В доме Антошу сразу же положили в ванну, согретую по просьбе тети Розы, которая чувствовала, что теплая вода будет нужна. Затем мальчика, лепетавшего что-то про кротов и свет, натерли настойкой с календулой и уложили на диван около камина. Он слышал, как звенит посуда, готовятся тосты, как Вовчик шутит, а Сережа шипит в ответ, тетя Роза смеётся, Марина шелестит бумагой, открывая подарок, а Света молчит и лишь иногда переворачивает страницу книжки.

- Антоша, выпей. - чья-та рука подносит к его губам настойку, смешанную с медом, которая обжигает губы и горло, стягивает грудь, но при этом сращивает те жилки, которые порвались в лесу.

- Спи. А я тебе стих почитаю, который ты любишь.

-Средь оплывших свечей и вечерних молитв, средь военных трофеев и мирных костров, жили книжные дети, не знавшие битв...

И что-то светлое, теплое и тягучие окутало его, и он уснул.

Глава 4

Снег, бережно запеленавший землю, медленно таял, проваливаясь в образованные маленькие кратеры – лунки, напоминающие следы крохотных зверей. Под старой вишней снег был расчищен, собран в брикеты, из которых возводилась снежная крепость – великий проект Сережи, который разрабатывался целый год.

Главный архитектор продолжал очерчивать фундамент, огибающий вишню кругом, при этом не забывая выдать пару необходимых указаний по укладке строительных материалов. Вова и Антоша лепили и складывали друг на друга кирпичики, Света монтировала ставни из льда, Марина раскрашивала флаг, который планировалось воздвигнуть на недостроенную еще башню.

Вскоре ребята дружно принялись затиравать щели между кирпичами снегом, подстраивать к башням бойницы, делать стены толще, обустраивать крепость внутри.

- Давай здесь сделаем диван из снега? Это будет миленько. - сказала Марина и не скрывая восхищенной улыбки, посмотрела на Сережу.

- Хорошо, как хочешь, мне в общем то все равно, - сказал Сережа все с тем же извечным высокомерием в голосе.

- Представляете, что где-то стоят такие же замки, прямо как в «Графе Монте-Кристо» или «Айвенго», а может быть сейчас в таких замках еще живут, - восхитилась Света, проводя рукой по льдистой внутренней кладке крепости.

- Все ты свои книжечки читаешь, я конечно, понимаю, что ты придерживаешься образа, который из тебя хотели вырастить, но нет Свет. Нельзя столько читать, - заключил Сережа.

- Кто бы говорил, сам пару лет назад все делал для того, чтобы соответствовать, не смеши меня, все мы хотим быть теми, кем нас хотят видеть, только вот если ты знаешь, кем бы ты мог стать, то я нет, - с горечью парировала Света.

После этой резкости вся радость от совместной работы куда-то улетучилась, шикарная крепость уже не казалась такой шикарной, хрупкое равновесие в искусственно созданном коллективе нарушилось, было похоже, что ненависть готова заполнить все вокруг, но наши герои противились этому. По этой причине, молодежь вскорости разошлась. В Поместье они тоже направились в разные комнаты: Сережа с Мариной- в библиотеку, Вова- в спортивный зал, Антоша - в спальню, а Света отправилась в свое тайное место – мансарду. Это где-то в Дальних странах так красиво обозвали это место, в реальной же жизни его именовали просто- чердак, куда можно было попасть через окна второго этажа, пройдясь немного по крыше и пролезть через имеющееся окно. Было ли известно другим о «скромной обители», Света не знала. Она сбегала сюда от общества. Что и говорить, а люди, которых ты видишь каждый день на протяжении всей жизни, надоедают. Может быть кто-то назовет это высокомерием, но это таковым не является, ибо каждый из них ищет такой тихий уголок, просто любой держит это место в тайне. Исключение из всех составляли лишь Антоша, который сам рассказал Свете, где он прячется, когда хочет быть один. Мальчик обычно заходит за забор, отодвинув обветшалую доску, и сидит там часами, пока не почувствует душевное успокоение.

Света же пряталась на чердаке редко, но сегодняшний разговор настолько взбесил ее, что ничего другого не оставалось, как бежать сюда.

«Вот почему ему нужно было говорить о том, что у меня нет прообраза? Ведь знает же, что я злюсь. Я злюсь на него и злюсь без причины, но я не хотела слышать такое от него.»- думала Света всхлипывая. Пыль, поднимавшаяся от прикосновения к старым и разрушающимся вещам, поднялась с

пола и начала плясать в лучах света, пробивающихся сквозь грязное окно. Нет в этом мире ничего ужаснее, чем чувство того, что ты не один среди людей, но при этом ты все равно один. Родители, любимый человек, дети - вот кто может помочь избавиться от этого чувства. Но ни у Светы, ни у других, их не было. Правда, ребята были друг у друга, но, пожалуй, при том условии, что каждый относился к кому-то хуже. А к кому-то лучше. Например, Сережа смотрел на всех с высоко, но по отношению к Марине, к этому взгляду примешивалась еще и нежность, а с Вовой они были друзьями. Это было связано должно быть с тем, что они попали в приют вместе, втроем. Света же была тут старожилом, которая была привязана к Антоше, как любимому младшему брату, хотя он и был ее младше на два с лишним года. Антоша же, будучи маленьким, называл тетю Розу мамой, от чего та быстро отрешивалась и стремительно покидала ребёнка. Антоша всегда был необщительным, а после зимнего происшествия и вовсе замкнулся в себе, перестал говорить и частенько заваливался на свою кровать в спальне и что-то читал или рисовал в блокноте.

Сейчас Антоша был больше похож на того прежнего себя, и Свету это очень беспокоило, она несколько раз спрашивала мальчика об этом, но тот уваливал от ответа. Когда он замолчал, Света поняла, что она одна, безоговорочно и однозначно. Ей шел 16 год, а она размышляла на такие темы. С тетей Розой невозможно было разговаривать, потому что она сама умолкала, когда дело касалось душевных переживаний или прочего. Она или доставала с полки книгу по психологии на эту тему и советовала прочитать или читала глубокомысленный стих и советовала подумать о его содержании. Света подозревала, что по развитию и уровню ответственности тетя Роза едва ли уступает им. Но при этом она была прекрасной няней и сочувствующим лицом, но полноценной «мамой» её не мог назвать не один человек в Поместье. Они были предоставлены сами себе с очень раннего возраста. Им поручалось помимо прочего следить за скотиной, растениями, поливать цветы и грядки, позднее готовить и шить себе одежду. Тетя Роза до сих пор занималась ткачеством, шитьем, вязанием, валянием и прочими необходимыми вещами для создания одежды и обуви для подопечных. Но, например, деревянную посуду, пришедшую на замену разбившейся фарфоровой, делал теперь Володя, а ткани красила и готовила теперь Марина, Сережа следил за различными техниками производства и всевозможно модифицировал их, чтобы увеличить производимый объем и оптимизировать затраченные ресурсы, Света следила за растениями и порядком в доме, на Антоше лежала забота о животных, которых он очень любил. Проблема была еще и в том, что они занимались тем, чем не хотели заниматься, да и к тому же многим из них изначально была уготована другая судьба.

Поэтому осознание этого не давало Свете покоя. Слезы уже не осталось, но чувство безнадежности, одиночества и страха никуда не делось, а только лишь обострилось и заставило её свернуться клубочком рядом со старой развалившейся тумбой. Девочка уснула.

Какой-то высокий мужчина поднимал упавшие с дерева яблоки, на земле рядом с ним сидела красивая женщина с золотисто-медовыми волосами, она протягивала яблоко Свете, которая неожиданно оказалась маленькой.

- Не уходи, пожалуйста, я тебя очень прошу, ты же знаешь, что малышка будет скучать по тебе. Да и я тоже. - говорила молодая женщина, с мольбой и любовью глядя на мужчину.

- Ты, же знаешь Анюта, что нельзя. Я должен ехать на конференцию. Я же приеду, это же считанные недели. Я привезу новых книг, какие хочешь. А может быть новое платье или юбку?

- Привези лучше игрушек для ребёнка. Хорошо?

-Конечно, милая, все что попросишь.

Мужчина наконец повернулся в сторону маленькой Светы и улыбнулся ей, обнажив белоснежные зубы.